

Императоръ Александръ I-й и Родіонъ Александровичъ Кошелевъ ¹⁾.

Въ числѣ лицъ, пользовавшихся особымъ довѣріемъ Императора Александра Павловича и имѣвшихъ на него большое вліяніе, однимъ изъ первыхъ былъ извѣстный мистикъ Родіонъ Александровичъ Кошелевъ. „Къ сожалѣнію“, какъ говоритъ біографъ Императора Александра I-го, Великій Князь Николай Михайловичъ, „въ нашей литературѣ сохранилось мало свѣдѣній о Кошелевѣ, о его характерѣ, о его частной жизни и дѣятельности“.

Краткія данныя его біографіи сводятся къ слѣдующему: „Р. А. Кошелевъ родился въ 1749 году, былъ записанъ десяти лѣтъ въ конную гвардію, произведенъ въ 1769 году въ корнеты, въ 1779 году назначенъ адъютантомъ (къ кому неизвѣстно), потомъ изъ ротмистровъ пожалованъ, при Павлѣ, въ камергеры и назначенъ 26 ноября 1796 г. чрезвычайнымъ посланникомъ въ Копенгагенъ; отъ этой должности вскорѣ уволенъ и вышелъ въ отставку. Много путешествовалъ по Европѣ, познакомился съ Юнгъ-Штиллиномъ, съ Сенъ-Мартеномъ, Эккартстгаузенемъ, Сведенборгомъ, Лафатеромъ и друг. и поддерживалъ съ ними, по возвращеніи въ Россію, оживленную переписку.

„Кошелевъ былъ женатъ на сестрѣ мистика С. И. Плещеева и вступилъ подъ его вліяніемъ въ масонство; былъ пріятелемъ А. Ѳ. Лабзина, издателя „Сіонскаго Вѣстника“. При воцареніи Александра I-го онъ сталъ дѣятельнымъ членомъ Библейскаго общества, былъ однимъ изъ его основателей и вице-

¹⁾ Великій Князь Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I. Сиб. 1912 г.

президентовъ; вскорѣ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи прошеній; 1-го января 1810 года назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, позднѣе оберъ-гофмейстеромъ“.

„Въ 1811 году Кошелевъ познакомился съ княземъ А. Н. Голицынымъ въ Совѣтѣ и сблизился съ нимъ послѣ одной произнесенной имъ рѣчи о защитѣ христіанства и православія въ отвѣтъ на рѣчь Сперанскаго, когда большинство Совѣта высказалось противъ Голицына. Послѣ засѣданія Кошелевъ подошелъ къ князю и сказалъ ему:

„Почтенный князь, вы такъ превосходно защищали православное христіанство, такое раскрыли чистое ревнованіе вашего сердца, что мнѣ было бы очень пріятно покороче съ вами познакомиться; мало того, мнѣ бы даже хотѣлось заслужить ваши пріязнь и дружбу“.

Съ тѣхъ поръ князь Голицынъ сталъ часто бывать у Кошелева, подружился съ нимъ и сильно подпалъ подъ его вліяніе. Государь, близкія отношенія коего къ князю Голицыну извѣстны, часто проводилъ свободное отъ занятій время съ нимъ и съ Кошелевымъ, и они бесѣдовали, втроемъ, на религіозныя темы, которыми съ теченіемъ времени Императоръ все болѣе и болѣе интересовался.

Кошелевъ посѣщалъ кружокъ избранныхъ лицъ, занимавшихъ по большей части видное положеніе, которыя собирались у Екатерины Филипповны Татариновой, жившей въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ происходили бесѣды на религіозныя темы, чтеніе священнаго писанія, пѣніе кантатъ и т. п., и подробно сообщалъ Императору Александру о происходившемъ на этихъ собраніяхъ, которыми Государь очень интересовался.

На почвѣ этихъ религіозныхъ бесѣдъ, этого исканія истины возникли и упрочились отношенія Кошелева къ Александру Павловичу; современники, или весьма немногіе изъ нихъ и не подозрѣвали объ ихъ частыхъ свиданіяхъ и перепискѣ. Кое-что изъ писемъ и записокъ Государя къ Родіону Александровичу, равно какъ и нѣкоторыя письма самого Кошелева къ Александру I, сохранились и напечатаны впервые въ приложеніяхъ къ труду Великаго Князя Николая Михайловича: „Императоръ Александръ I-й“.

Этихъ любопытныхъ документовъ сохранилось весьма немного; но все же рядъ записокъ Императора Александра къ Р. А. Кошелеву за разные годы, начиная съ 1811 года, свидѣтельствуетъ о томъ, что Кошелевъ пользовался весьма милостивымъ отношеніемъ Монарха и что со стороны Александра

Павловича потребность обмѣниваться съ нимъ мыслями была настолько велика и такъ вошла въ привычку Государя, что нерѣдко въ письмахъ къ Голицыну Государь приказывалъ ему передать ихъ на прочтеніе и Кошелеву, и выражалъ желаніе знать его мнѣніе.

Записочки Императора и отвѣтныя письма Кошелева писаны на французскомъ языкѣ; вполне дружественный, откровенный тонъ записочекъ Государя и интимный характеръ затрагиваемыхъ имъ иной разъ вопросовъ говорятъ объ его откровенности съ Родіономъ Александровичемъ, по крайней мѣрѣ, въ первые годы ихъ сближенія.

Въ мартѣ 1811 года, на Страстной недѣлѣ Государь пишетъ Кошелеву:

„Благодарю васъ за выраженные чувства и, какъ вы, я тоже возлагаю всю мою надежду на Промыселъ Божественнаго Существа. Когда увидимся, поговоримъ съ вами о содержаніи присланныхъ мнѣ вами отдѣльныхъ листовъ“...

25-го января 1813 года, изъ Плоцка, Александръ пишетъ: „...Какъ мнѣ пріятно узнать, что вы меня поняли. Моя вѣра чиста и ревностна. Съ каждымъ днемъ эта вѣра во мнѣ растетъ и крѣпнетъ, давая такого рода наслажденіе, которое было невѣдомо для меня. Но не думайте, что она зародилась послѣднее время: я уже нѣсколько лѣтъ искалъ этого пути. Чтеніе священнаго писанія, которое я зналъ весьма поверхностно, было для меня большимъ благомъ. То рвеніе, которое я испытываю, происходитъ отъ добросовѣстнаго исполненія завѣтной воли нашего Спасителя...“

Отъ 25 апрѣля 1813 года, изъ Дрездена: „Глубокое спасибо за присылку чудной книги, которую я прочитываю съ жадностью. Я молю Создателя, чтобы это чтеніе сдѣлало меня болѣе достойнымъ ко всѣмъ милостямъ Провидѣнія“.

Наконецъ, 13 декабря 1815 года: „Прочелъ ваше письмо съ глубокимъ волненіемъ и спѣшу благодарить васъ за выраженные чувства. Я обязанъ вамъ многимъ, потому именно, что вы меня навели на тотъ путь, по которому я теперь слѣдую убѣжденно, что привело къ достигнутому успѣху затѣяннаго дѣла при содѣйствіи Всевышняго. Но то, что еще осталось мнѣ сотворить для родины, вѣроятно, гораздо труднѣе достижимо, но это меня не пугаетъ, ибо, при помощи нашего Спасителя, я теперь считаю все возможнымъ и полагаюсь вполне на Него“...

7 января 1818 г изъ Москвы Государь писалъ... „Теперь нѣсколько словъ по поводу прїѣзда въ Петербургъ М. А. Нарышкиной. Надѣюсь, что вы слишкомъ хорошо освѣдомлены о моемъ душевномъ состояніи, чтобы беспокоиться на мой счетъ. Скажу вамъ больше, если я еще считалъ бы себя свѣтскимъ человѣкомъ, то, право, здѣсь нѣтъ заслуги остаться равнодушнымъ къ особѣ, послѣ всего того, что она сотворила ¹⁾“.

Сохранилось еще нѣсколько коротенькихъ записокъ Государя, въ которыхъ онъ либо выражаетъ Кошелеву свое сожалѣніе по поводу того, что, занятый болѣе важными дѣлами, онъ не имѣетъ возможности бесѣдовать съ нимъ, либо назначаетъ ему часъ для свиданія.

Изъ двухъ болѣе длинныхъ писемъ отъ 19 и 26 марта 1818 г. изъ Варшавы, куда Государь прибылъ для открытія польскаго сейма, видно, насколько Государь дорожилъ мнѣніемъ Кошелева: тотчасъ по окончаніи торжества онъ послѣшилъ сообщить Родіону Александровичу текстъ рѣчи, произнесенной имъ при открытіи сейма, которой онъ придавалъ большое значеніе и о которой отзывъ Кошелева онъ хотѣлъ знать.

„Я испытываю потребность побесѣдовать нѣсколько минутъ съ вами и сообщить вамъ вкратцѣ о моемъ пребываніи въ Варшавѣ“, писалъ Императоръ Кошелеву 19 марта. „Благодареніе нашему Божественному Спасителю, столь многомилостивому ко всѣмъ тѣмъ, кто къ Нему прибѣгаетъ отъ всего сердца, я пользуюсь тутъ гораздо большимъ спокойствіемъ, нежели въ Москвѣ и въ Петербургѣ... Господь сподобилъ меня распредѣлить время такъ, что послѣ обѣда я болѣе не выхожу и вечеромъ имѣю нѣсколько часовъ въ моемъ полномъ распоряженіи, кои я употребляю, разумѣется, на мое излюбленное чтеніе. Въ настоящее время я читаю „la Philosophie Chrétienne“. По милости Божіей столь важное открытіе сейма прошло великолѣпно. Настроеніе умовъ превосходно; я радъ, что я выполнилъ въ отношеніи этого народа все то, что Спаситель вложилъ въ мое сердце. Посылаю вамъ рѣчь, произнесенную мною при открытіи сейма. Это одна изъ тѣхъ работъ, которую при моей неопытности и въ сознаніи трудности какъ моего положенія, такъ и того, что мнѣ предстояло произнести съ высоты Престола, впервые передъ лицомъ всей Европы, не легко было составить, но я обратился съ горячей мольбою къ Божественному Спасителю, Онъ услышалъ меня и дозволилъ, чтобы изъ-

¹⁾ Государь убѣдился въ ея невѣрности.

подъ моего пера вылилось то, что вы прочтете ниже, за весьма немногими поправками въ слогѣ, которыя я предоставилъ сдѣлать болѣе краснорѣчивымъ, нежели я. Вообще, все это заведеніе было по истинѣ торжественно и трогательно по чувствамъ, имъ вызваннымъ. Не вхожу въ обсужденіе подробностей хода моихъ мыслей при составленіи рѣчи; сердце подскажетъ ихъ вамъ при внимательномъ чтеніи. И когда подумаешь, что Россія обращается съ этими словами къ тѣмъ, кого считали самыми злѣйшими нашими врагами, и, что съ высоты польскаго престола въ Варшавѣ говорятъ о принципахъ нашего Божественнаго законодателя и о христіанской морали, какъ не воспылать самой горячей благодарностью къ Нему! Я чувствую ее до глубины души, дорогой Родіонъ Александровичъ, и вы своимъ христіанскимъ сердцемъ почувствуете ее также какъ я. Вообще, послѣ нашей послѣдней бесѣды у васъ, я не умѣю достаточно выразить вамъ, до чего усилилось чувство нѣжнѣйшей моей дружбы къ вамъ и насколько въ тѣ мгновенія, когда я повергаю себя къ столамъ нашего Божественнаго учителя, наше единеніе съ вами стало еще болѣе тѣснымъ⁴.

Узнавъ Кошелева ближе, убѣдясь въ его преданности и готовности служить ему вѣрою и правдою, Императоръ, несмотря на то, что Родіонъ Александровичъ никакихъ служебныхъ отношеній не имѣлъ съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, поручилъ ему, въ 1811 году, вести переписку и сносятся отъ его имени, помимо канцлера, графа Румянцева, съ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, графомъ Густавомъ Оттоновичъ Штакельбергомъ и съ австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ Сень-Жюльеномъ.

Это входило въ особенную систему, усвоенную себѣ Императоромъ Александромъ Павловичемъ; онъ очень интересовался дѣлами внѣшней политики, входилъ во всѣ ея мелочи и, чтобы быть лучше освѣдомленнымъ, прибѣгнулъ къ своеобразному способу получать интересовавшія его свѣдѣнія помимо канцлера черезъ нѣкоторыхъ лицъ, пользовавшихся его особымъ довѣріемъ, съ которыми онъ самъ сносился письменно.

Сноситься такимъ образомъ съ Кошелевымъ было особенно удобно, такъ какъ Родіонъ Александровичъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ и его частыя посѣщенія Императора и пересылка корреспонденціи могли быть не такъ замѣтны для постороннихъ лицъ.

Кромѣ переписки съ австрійскими дипломатами Кошелевъ вѣдалъ также испанскими дѣлами и велъ объ нихъ переписку

съ Зее де-Бермуденъ, испанцемъ, который часто бывалъ въ Петербургѣ и былъ представителемъ интересовъ короля Фердинанда VIII.

Съ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, графомъ Штакельбергомъ, Кошелева связывала дружба на почвѣ масонства; „въ нѣкоторыхъ письмахъ графа говорится о какихъ-то личностяхъ съ подставными фамиліями, которыя опредѣлить не удалось, но по смыслу дѣло идетъ о масонахъ, и въ связи съ ними о политикѣ“.

Любопытно, что Кошелевъ и Румянцевъ, работавшіе каждый въ отдѣльности съ Императоромъ, были совершенно противоположныхъ взглядовъ и политическихъ симпатій; Кошелевъ былъ сторонникъ сближенія съ Австріей, только и мечталъ о коалиціи противъ Франціи, совѣтовалъ не нарушать мира съ Турціей; Румянцевъ былъ приверженцемъ Франціи, Императоръ Александръ не открывалъ ни тому, ни другому всѣхъ своихъ мыслей и плановъ и, выслушивая мнѣнія своихъ официальныхъ и неофициальныхъ совѣтниковъ, принималъ рѣшенія самостоятельно, былъ „своимъ собственнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ“, а канцлеру предоставлялъ только вести сношенія съ представителями иностранныхъ державъ.

Писемъ Кошелева, по которымъ можно было бы судить о томъ, насколько онъ былъ на высотѣ присвоенной ему роли дипломата, не сохранилось, но графъ Сенъ-Жюльенъ, съ которымъ онъ велъ переговоры въ Петербургѣ, характеризуетъ его въ своихъ донесеніяхъ Меттерниху какъ не особенно глубокаго политика; у него нѣтъ хитрости, необходимой для „политическаго дѣятеля“, пишетъ графъ, „онъ не краснорѣчивъ, довольно разсъянъ, не можетъ сосредоточиться; его часто приходится наводить на сущность вопроса“, но это человекъ, искренно желающій блага своей родинѣ, очень усердный, осторожный и сдержанный; онъ въ восторгѣ отъ того, что его другъ Штакельбергъ пользуется благосклонностью нашего двора, и видитъ одно спасеніе для Россіи въ сближеніи съ Австріей, которое онъ всегда будетъ пропагандировать, хотя бы цѣною всевозможныхъ жертвъ. Онъ увѣренъ въ нашей честности, и всякое заявленіе нашего кабинета для него свято; онъ ненавидитъ Францію и ея политику, во всемъ полагается на волю Провидѣнія, которое „всегда на сторонѣ праваго дѣла“; онъ англоманъ постолько, поскольку торговля и субсидіи Великобританіи могутъ быть полезны Россіи“.

Въ одномъ изъ дальнѣйшихъ писемъ графъ де-Сенъ-

Жюльенъ подтверждаетъ мнѣніе о Кошелевѣ, сложившееся у него подъ первымъ впечатлѣніемъ. „Это человѣкъ мало способный“, говоритъ австрійскій повѣренный въ дѣлахъ, „онъ не умѣетъ уклониться отъ обсуждения нежелательнаго для него вопроса, не обладаетъ даромъ вызвать собесѣдника на откровенность и не умѣетъ вывѣдать нужную для него тайну. Онъ теряетъ иногда нить разговора, слишкомъ вдается въ мелочи, кичится довѣріемъ, которое ему оказываетъ Монархъ, и не умѣетъ скрыть тщеславнаго удовольствія по поводу того, что ему довѣряютъ тайны, неизвѣстныя его сопернику, графу Румянцеву“.

„Это просто-на-просто добрякъ, преданный своему Монарху, который уважаетъ его какъ честнаго человѣка“,—резюмируетъ свои впечатлѣнія графъ де-Сенъ-Жюльенъ: „Надобно, однако, отдать ему справедливость, онъ ни разу не сказалъ мнѣ чего-либо отъ имени своего Монарха, чего не подтвердилъ бы мнѣ рано или поздно самъ Императоръ“.

Интересно знать, какъ смотрѣлъ на Кошелева самъ Императоръ? Судя по отдѣльнымъ фразамъ и намекамъ, разсѣяннымъ въ письмахъ, можно догадываться, что хотя онъ признавалъ авторитетъ Кошелева въ вопросахъ религіи и нравственныхъ правилъ и подчинялся въ этомъ отношеніи его вліянію, но что касалось политики, Александръ I-й сохранялъ самостоятельность сужденій и относился довольно нервно къ критикѣ его мѣропріятій. Онъ считалъ Кошелева человѣкомъ честнымъ, вѣрилъ въ его безусловную преданность, вполне полагался на его скромность, тѣмъ болѣе, что Кошелевъ велъ весьма уединенный образъ жизни и мало съ кѣмъ видѣлся, но повѣрялъ ему только то, что ему положительно нужно было знать для веденія порученныхъ ему дѣлъ—не болѣе. Кошелевъ это понималъ и называлъ себя „орудіемъ его (Императора) воли“.

Когда отношенія съ Франціей ухудшились и можно было ожидать разрыва съ Наполеономъ, Александру важно было выяснить, какое положеніе займетъ въ случаѣ войны Австрія; не имѣлъ возможности часто бесѣдовать съ австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, графомъ де-Сенъ-Жюльеномъ, чтобы не вызвать нежелательныхъ толковъ, Государь, зная политическія симпатіи Кошелева—поручилъ ему вести съ нимъ дѣловые переговоры; онъ полагалъ, что де-Сенъ-Жюльену даны были обширныя инструкціи, и сомнѣвался въ томъ, чтобы Румянцеву, не внушавшему довѣрія австрійскому кабинету, удалось что-либо у него вывѣдать.

Кошелевъ поставилъ себѣ цѣлью „быть скорѣе полезнымъ, нежели пріятнымъ, ежели нельзя совмѣстить то и другое“, какъ онъ писалъ однажды Императору, и согласно съ этимъ старался повліять на Александра I-го въ определенномъ смыслѣ, хотѣлъ расположить его въ пользу союза съ Австріей и дѣлалъ не встрѣчавшія никакого поощренія попытки высказать Государю все то, что онъ считалъ политически необходимымъ.

Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 24 іюня 1811 года, онъ обращалъ вниманіе Государя „на необходимость держаться въ политикѣ извѣстной системы, чего онъ до сихъ поръ не видѣлъ“; на „необходимость постояннаго обсужденія политическихъ вопросовъ, во избѣжаніе несогласованныхъ дѣйствій, что могло быть вредно въ моментъ развитія надвигающихся важныхъ событій“, на „необходимость воспользоваться драгоценнымъ временемъ для установленія будущаго плана дѣйствій и политическихъ союзовъ, соотвѣтствующихъ нашимъ интересамъ“...

Излагая эти мысли, „какъ ему повелѣвала совѣсть“, Кошелевъ выражалъ опасеніе, пойметъ ли Государь чистоту намѣреній, побудившихъ его высказать свой взглядъ, и высказывалъ единственное желаніе, чтобы „Государь вышелъ съ честью изъ ложнаго положенія, въ какое его поставилъ рядъ прискорбныхъ событій и ошибочныхъ расчетовъ“.

Поставленный въ положеніе какъ бы антагониста канцлера, Кошелевъ не всегда умѣлъ держать себя такъ, какъ повелѣвало щекотливое положеніе негласнаго совѣтника Императора; и позволялъ себѣ иногда высказывать о немъ весьма рѣзкія сужденія, выраженные при томъ въ довольно грубой формѣ. Указывалъ Императору на то, что канцлеръ не пользовался довѣріемъ кабинетовъ за исключеніемъ одного Тюильрійскаго, Р. А. писалъ:

„Такое необычайное положеніе вещей весьма прискорбно и очень затрудняетъ переговоры первостепенной важности“.

Чувствуя однако, что нападки на гр. Румянцева могли имѣть оттѣнокъ чего-то личнаго, Кошелевъ спѣшилъ прибавить, что онъ „не только не стремится быть преемникомъ графа Румянцева, и что если бы даже ему было предложено стать во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, то онъ отказался бы отъ этого, не чувствуя въ себѣ ни смѣлости, ни способности, взять на себя столь трудную задачу“.

Ничего подобнаго не приходило Императору въ мысли.

Въ своихъ нападкахъ на канцлера Кошелевъ перешелъ границы допустимаго и заслужилъ однажды рѣзкую отвѣдь со стороны Императора.

„Когда обнаглѣвшій министръ упорствуетъ въ своемъ намѣреніи провести дѣло несуразное съ дипломатической точки зрѣнія и неприличное съ точки зрѣнія политической, и вопреки одобренію монарха позволяетъ себѣ внести дѣло на обсужденіе общаго собранія Совѣта, помимо департамента политической экономіи, когда онъ настаиваетъ на своемъ дотога, что вслѣдъ за чтеніемъ его проекта, ему удастся огласить рескриптъ, заготовленный умышленно противъ воли монарха, что къ сожалѣнію не ускользнуло отъ вниманія всѣхъ членовъ Совѣта, что долженъ дѣлать человѣкъ глубоко преданный отечеству, свято исполняющій свой долгъ, ревниво оберегающій славу монарха, который, служа ему, ведетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ непрестанную борьбу ради достиженія благопріятныхъ результатовъ и улучшенія тяжелаго и ложнаго положенія, въ какое поставлена наша политика рядомъ злополучныхъ событій, и невѣроятныхъ шаговъ? Повергая этотъ вопросъ къ подножію Престола, я осмѣливаюсь повергнуть его на справедливое воззрѣніе Вашего Величества.

„Я руководствовался всегда патріотическими побужденіями, кои не вредятъ дѣлу, и полагаю, что въ этомъ отношеніи я не нуждаюсь ни въ какихъ гарантіяхъ передъ лицомъ Вашего Величества. Поэтому я не скрою отъ Вашего Величества, что третьяго дня, выходя изъ Совѣта, движимый Божественнымъ Промысломъ, я былъ готовъ принять самыя крайнія рѣшенія“.

„Не скрою отъ васъ, отвѣчалъ ему Императоръ, что содержаніе вашей записки и тѣ выраженія, въ какихъ вы отзываетесь о канцлерѣ, крайне удивили меня... Вы жестоко ошибаетесь, полагая, что въ Совѣтъ можетъ быть внесено какое-либо дѣло, не соответствующее моимъ намѣреніямъ. Позвольте вамъ замѣтить, что я не могу, во сколько-нибудь важномъ дѣлѣ, руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ однимъ вашимъ мнѣніемъ; для меня можетъ иногда быть важно подвергнуть вопросъ обсужденію; вообще, я уже неоднократно имѣлъ удовольствіе высказать вамъ, что я намѣренъ руководствоваться въ своихъ поступкахъ единственно моимъ собственнымъ мнѣніемъ, а не мнѣніемъ другихъ лицъ, вы же, какъ и прочіе, благоволите сообразоваться съ этимъ“.

Твердо и рѣшительно заявленная воля Государя и высказанное имъ неудовольствіе глубоко огорчили Кошелева; онъ

поспѣшилъ заявить о своей готовности подчиниться волѣ Государя, которая всегда была для него священна; но нѣсколько времени спустя онъ просилъ объ увольненіи его въ отставку, приложивъ къ письму нижеслѣдующее прошеніе:

„Всемилоствѣйшій Государь! Домашнія обстоятельства, требующія въ крайне умѣренномъ состояніи моемъ большого поправленія, а болѣе еще разстроенное здоровье, принуждаютъ меня повергнуть себя къ престолу и всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество просить о Высочайшей, и въ настоящемъ положеніи моемъ и единственной, милости всемилоствѣйше уволить меня отъ службы.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есмь и проч.“

Отставка Кошелева принята не была, онъ продолжалъ нести обязанности довѣреннаго лица.

Весьма естественно, что близость Кошелева къ Государю, частая между ними переписка и постоянныя совѣщанія съ иностранными дипломатами возбудили неудовольствіе и зависть близкихъ ко двору лицъ, которыя не могли объ этомъ не знать.

Вообще говоря, „противъ дѣйствій и помышленій русскихъ мистиковъ, стоявшихъ у власти и имѣвшихъ вліяніе на Государя, ожесточало многихъ отсутствіе и невозможность критики ихъ дѣйствій, такъ какъ цензура была сосредоточена въ тѣхъ же рукахъ князя Голицына и его сотрудниковъ и единомышленниковъ“.

Кошелевъ предвидѣлъ, что онъ станетъ объектомъ происковъ и интригъ. Въ чемъ обвиняли Кошелева его завистники, какого рода были „навѣты“, жертвою которыхъ онъ сдѣлался, изъ писемъ не видно, но онъ все чаще и чаще сталъ жаловаться на нихъ Государю и „повергая себя къ стопамъ Его Величества“ и „къ подножію его престола“, указывалъ на трудность нести при этихъ условіяхъ свои обязанности и просилъ „освободить его хотя бы отъ нѣкоторыхъ должностей или уволить его совсѣмъ въ отставку, „въ томъ и другомъ случаѣ оказавъ ему для пользы службы какой-либо знакъ благоволенія, „дабы въ глазахъ кабинетовъ и лицъ, удостоивающихъ его своимъ довѣріемъ, его увольненіе не носило характера опалы“.

„По тому, что я дѣлалъ, говорилъ и писалъ, я могъ иной разъ быть непріятенъ, но я не могу думать, чтобы я въ чемъ-либо провинился“ — такъ заканчивается одно изъ писемъ Кошелева.

„Подвергаясь тайнымъ кознямъ, въ которыхъ я не могу разобраться, я предпочитаю откровенно сказать объ этомъ В. В., писалъ Кошелевъ другой разъ. Бывъ принципиально чуждъ

всему, что напоминаетъ хоть тѣнь интриги, я чувствую себя столь чистымъ въ своихъ намѣреніяхъ и могущимъ разстроить всѣ недоброжелательныя козни, что передъ лицомъ Владыки Небеснаго я почитаю себя обязаннымъ все разъяснить и обѣлить себя передъ Владыкою земнымъ“...

Изъ переписки не видно, какъ отнесся къ обвиненіямъ Кошелева Императоръ; какъ бы то ни было, его аудіенціи стали рѣже, проходило два и болѣе мѣсяца, что онъ не могъ получить просимаго имъ свиданія и, не имѣя руководящихъ указаній, затруднялся вести возложенныя на него переговоры. Надобно конечно принять во вниманіе и то обстоятельство, что Императоръ былъ въ это время поглощенъ назрѣвавшимъ конфликтомъ съ Наполеономъ.

Государь однако не лишилъ Р. А. Кошелева своего довѣрія; въ 1812 году ему было поручено, совмѣстно съ нѣкоторыми другими лицами, рассмотреть бумаги Сперанскаго, и въ томъ же году онъ былъ уволенъ, наконецъ, отъ всѣхъ дѣлъ, съ сохраненіемъ въ видѣ пенсіи получаемого имъ оклада. Съ тѣхъ поръ его зрѣніе, на которое онъ давно жаловался, стало сильно слабѣть, и Кошелевъ предался исключительно мистицизму, пропагандируя свои идеи въ петербургскомъ обществѣ.

Но и нѣсколько лѣтъ спустя Александръ Павловичъ помнилъ о Кошелевѣ и интересовался его мнѣніямъ.

Будучи на конгрессѣ въ Лайбахѣ, взволнованный и напуганный революціонными волненіями, вспыхнувшими въ Италіи, и извѣстіями о тайныхъ обществахъ, распространившихся по всей Европѣ, Александръ Павловичъ писалъ князю А. Н. Голицыну ¹⁾:

„Изъ писемъ вашихъ и Кошелевскихъ порученій я усматриваю критику той политической системы, какой я нынче придерживаюсь... ваше порицаніе можетъ быть объяснено развѣ только страхомъ и тревогой, что борьба, нами предпринятая, не будетъ имѣть успѣха. Но когда внутренній голосъ намъ подсказываетъ, что это твореніе врага, то опасеніе за разрѣшеніе игры со зломъ не умѣстно. Не есть ли это долгъ христіанина бороться противъ врага и его дьявольскаго творенія всѣми тѣми средствами, которыя даны намъ Божьимъ Промысломъ?.. Не писалъ ли мнѣ неоднократно Кошелевъ въ теченіе 1812, 1813 и 1814 годовъ, что надо мнѣ бороться до конца? Теперь мы находимся приблизительно въ такомъ же положеніи, а я

¹⁾ Письмо очень длинное; Императоръ, занятый конгрессомъ, писалъ его понемногу въ теченіе цѣлой недѣли, съ 8 по 15 февраля 1821 года.

вамъ говорю, что въ еще болѣе опасномъ, потому что тогда борьба велась противъ разрушительнаго деспотизма Наполеона, а настоящія доктрины куда болѣе могуче дѣйствуютъ на толпу, чѣмъ то военное иго, которымъ онъ держалъ ее въ рукахъ“.

Кошелевъ скончался въ 1827 году, 78 лѣтъ.

Узнавъ о его кончинѣ, извѣстный ханжа, архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій записалъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Я сижу въ глубинѣ безмолвія и уединенія и молю Господа, да изведетъ во свое время на дѣло свое человѣка Божія подкопамъ взорвати дно глубинъ сатанинскихъ, содѣянныхъ въ тайныхъ вертепахъ—тайныхъ обществъ вольтеріанцевъ, франкмасоновъ, мартинистовъ, и сокрушитъ главу седмглаваго змія треклятаго иллюминатства, его же жрецъ или магъ недавно, въ день святого Георгія, двадесять шестого дня Ноемврія, позванъ на судъ къ Господу“.

„Очевидно“, говоритъ Великій Князь Николай Михайловичъ, „пронырливый архимандритъ и всегдашній другъ Аракчеева отлично сознавалъ, что со сцены сошелъ человѣкъ, который долгое время, совместно съ княземъ Голицынымъ, Лабзинымъ и многими другими, былъ бѣльмомъ въ глазу у Фотія въ Александровскія времена“.

